

Игорь. — 1987. — № 13, апрель

стенограмма «недели»

«Ребята, которых вы показали, по сути дела не так уж потеряны. А не хотели бы вы сделать отдельную картину о равнодушных?»
«Почему ваш фильм вышел только сейчас? Ведь три года назад эти проблемы были более актуальны?»
«В фильме только один раз мелькнул комсомольский значок, и только один раз прозвучало слово «комсомол». Это нарочно?»
«Ходят слухи, что растерзанный вагон в фильме — не тот, что был на самом деле. Правда ли это?»

(Из записок, присланных Ю. Подниексу, режиссеру фильма «Легко ли быть молодым». Юрис, как бы продолжая работу над фильмом, выступает в молодежных аудиториях Москвы. На одной из встреч присутствовал наш корреспондент. В зале был установлен микрофон.)

ОСТРОВА И ЛАБИРИНТЫ

БЕСЕДА С КИНОРЕЖИССЕРОМ ЮРИСОМ ПОДНИЕКСОМ О МОЛОДЫХ, КОТОРЫЕ ИЩУТ МЕСТО В ЖИЗНИ

Ю. ПОДНИЕКС:
— ...меня пугали: вот покажете «металлистов» — и другие сразу начнут цепями обвешиваться, браслетами... Мы слишком упрощаем. Конечно, обезьянний рефлекс есть, и кто-то посмотрит фильм только для того, чтобы узнать, «как теперь красятся». Но не этого надо страшиться.
...говорили многие, что я выношу сор из избы. Мол, один поезд за пять лет разгромили, а вы... У нас панки, говорят, уже кончаются, а вы — о панках... Да, панки кончаются. Зато появились «зеленые». Те, кого пресса назвала «дети Деточкина». Они ищут, у кого при зарплате 150 р. — и машины, и дачи. И вот уже одну машину угнали или дачу подожгли... И очень многие взрослые после этого неспокойно спят. Современное явление вроде бы — борьба с жуликами? Но подумали эти юные «деточкины», кто дал им право на подобный самосуд?
...с вопросом про вагон ты в «десятку» попал. Да, это другой вагон. Потому что «тот» так быстро восстановили, что мы не успели снять. Но... этот вагон — тоже разгромленный. И пришел он, по-моему, из Москвы, — извини.
...молодежи на документальном экране почти не было. Мы в основном снимали для киножурналов «доску почета». Два года назад я распинался бы перед вами, доказывая, что в молодежных течениях «западная» только форма, а корни — наши. Сегодня это многие сами поняли...
...отталкивание производит энергию, понимаешь? Когда на них давят с силой, а они чувствуют, что их — тысяч пятнадцать, таких, то они ищут свои формы защиты. И, хотя я не очень хорошо знаю, что представляют собой некоторые неформальные группы молодежи, кажется, что в любом случае отношение к ним должно быть более четким. С одной стороны хорошо, что у нас появился интерес к ним. Но за этим интересом мы можем забыть основную проблему: отчего это возникло? почему? Мы чего-то не сумели, в чем-то солгали?
...смысл сегодняшних разговоров («по душам» с молодыми, увы, даже на таком respectable уровне, как телепередачи «12 этаж», «До 16 и старше», «Мир и молодежь»), — это собрать ребят и спросить: «Ну, что вам надо?» И услышать в ответ: «ДИС-КО-ТЕ-КУУУ!!!» И на этом весь разговор заканчивается. Никто даже не пытается толком анализировать, а почему — дискотеку? Да потому, что другого хотеть мы их в общем-то не научили.
Вопрос из зала: Почему, по вашему мнению, этот анализ страдает поверхностностью?
— Потому что нередко разговор с молодым человеком идет на уровне «Я — секретарь райкома, а ты — мой комсомолец».
Вопрос: Как же ребята из фильма доверились вашей кинокамере?
— Они доверились мне, а не кинокамере... Может, это и нескромно. Они поняли, что их слушают, что их мнения интересны и нужны.
Вопрос: А легко ли быть родителем молодых?
— Эту картину можно снять наоборот.

Про родителей, в которых отразились их собственные дети
В нас царит определенный... снобизм взрослого человека: мы, мол, более значительны, чем они, и их идеи нам не нужны, неинтересны... Это одно. А во-вторых... Вот плохо говорить — «обезьянничают». Но посмотрите на детский сад! Можно сразу определить, у кого какие родители: во всем буквально — в общении, в словечках, в конфликте... Мы сами все в них закладываем. И если в нас не будет веры, то откуда ей взяться у наших детей? Вот и блуждают, ищут: кто выходит на Кришну, кто на Будду...
Вопрос: И в чем сегодня, по вашему мнению, особенность разрыва между «отцами и детьми»?
— Если раньше молодые провозглашали какие-то идеи, которые отцы не принимали, то нынче непонимание начинается намного раньше. Но опять же: передаются по наследству уже искаженные нравственные, ценностные критерии. Плюс общая недоговоренность: не говорим о многих сложных исторических ситуациях и явлениях действительности... Для чего сейчас, по-моему, нужна гласность? Не только для того, чтобы кого-то раскритиковать. Для того еще, чтобы мы стали гражданами и патриотами. Если я чувствую, что меня обманывают, слышу на уроках одно, а в жизни вижу другое — я не могу стать патриотом, это мне мешает... А мы долго, очень долго недоговаривали, лишая молодежь исторического сознания.
Вопрос: Так вы считаете наше поколение потерянными?
— Потерянным? Нет-нет. Те, кого вы видели на экране, войдут в нашу нормальную жизнь. Я боюсь другого: если мы сейчас надломим их активность, их порыв, их первое какое-то чувство — они придут к нам, в нашу возрастную категорию, где семья, работа, заботы, — придут уже погасшим вулканом.
Но, как ни странно, я больше беспокоюсь не за них. У них есть своя позиция, а это уже — признак личности. Страшно за тех, у кого этой позиции нет.
Я в фильме не затронул ту часть молодежи, которая ничего не ищет. Это люди с очень низким эмоциональным и интеллектуальным порогом. Мне кажется, мы сейчас все споры затеваем из-за огромного количества именно этих ребят. Их называю «актерами окружения». Вокруг панков, например, есть круг молодых людей, которые не имеют никакой позиции: «Ага, это красиво, это ярко — и я так, и я там, и я с ними». И если у меня Айвар с экрана говорит, что в жизни никого не ударит, — я верю, что это правда. А вот те могут и ударить.
В первой картине я не мог выйти на этот слой — не так хорошо узнал тему. Да и работать с такими ребятами нужно по-другому — им форма исповеди не подходит, не раскрываются... Очень трудно с ними. Но делать такой фильм хочу.
Вопрос: Вас послушать — получается, что у современной молодежи нет перспективы...
— Неправда: у нас есть молодежь, умеющая и думать, и работать, и любить. Можно снять целую картину о тех, кто не ищет, а уже нашел. Но... Вот приходят

они к нам — после школы, университета, техникума — и как мы их встречаем? Я видел таких... Знаете, лет десять назад будущие архитекторы в Риге защищали дипломные проекты — фантастические вещи! А студентам сказали: «Все это интересно, но у нас ГОСТы, и нечего вам мечтать. Это все — без возможности жить...» Недавно я опять смотрел дипломные работы — все, нет дворцов. Убили мечту и порыв неформальной идеи. Погасили эти горящие глаза. Молодой архитектор приходит в проектное бюро, а ему там говорят: «Не-е-ет, милый... Ты нам давай сначала на все бюро карандаши наточи...»
Вольно или невольно мы воспитали у молодежи комплекс неполноценности. Мы не позволяем им ошибаться, не даем пройти ту естественную ситуацию, когда человек выбирает что-то, пробует, убеждается, что он неправ... Мы не позволяем даже пытаться.
Вопрос: Кроме первой части фильма, есть и вторая... Может, имеет смысл сделать отдельно фильм о ребятах, вернувшихся из Афганистана?
— Я очень не хотел бы такого разделения. Мы должны еще раз понять: это те же самые ребята. Мы все думаем, что панки — здесь, а «афганцы» — там. Не хотим понять: то, что Афганистан кому-то пошел на пользу, не значит, что здесь они были совсем другие. Меня поразили парень, который сказал: «Я хочу вернуться туда». — «Почему?» — спрашиваю. «По-

тому, что слева у меня в Афгане был Гоги, справа — Петя, и я знал, что они меня никогда не предадут». И это — справедливый упрек нам, не бывшим там.
Вопрос: А для чего вы показали Игоря, самостоятельного кинорежиссера, с этим лабиринтом, с этими ужасами?
— Очень хотел показать, как молодые люди мыслят сами для себя. Не знаю, может быть, субъективно, но мне этот язык ближе, чем исповедь у микрофона... Мне нужен был Игорь, попытавшийся воплотить душу этого поколения. И уж, конечно, не собиравший использовать его, как костыль для символов.
Сам лабиринт, мне кажется, — это ответ на их собственные лозунги. Ведь некоторые заявляют: «Нам бы сделать вообще остров молодых. К черту этих стариков! И не будет ни войн, ни проблем».
А в этом лабиринте (лабиринте молодых!) они сами приходят к тому, что самостоятельного ничего не получается. Они все друг от друга отпадают. Они — без памяти, без знания, без привычек...
Вопрос: Такое впечатление, что вы хотите во всем происходящем обвинить общество, взрослых, кого угодно, но только не их самих...
— Я не снимаю ответственности с молодых людей, которые говорят: «Мы подождем, пока вы изменитесь... Пусть взрослые перестроятся, потом и мы».
Да, сначала должны измениться мы сами. Должны пройти свое «Покаяние». Действительно, каждый отвечает за свою судьбу сам. Но! Мы как общество заинтересованы, чтобы не надломить, не потерять их... И этот фильм нужен не только и не столько молодым. Хотя и им — тоже. Важно, чтобы молодые, отождествляя себя с теми, кто на экране, поняли всю ответственность за собственное будущее.
Вопрос: Почему вы закончили картину кадрами из фильма Игоря, этой наивной голубой надеждой? Значит, верите, что все будет нормально?
— Я думаю, ничего такого пока не случилось, чтобы мы теряли надежду. И я, особенно когда снимал этот фильм, еще раз убедился, что ничего не утеряно.
Вопрос: И что бы вы хотели, чтобы люди поняли?
— Искусство не обязательно должно надеяться, что вот появится произведение — и все изменится. Так не бывает. Когда я сделал свою первую картину — «Созвездие стрелков» — мне казалось, что на тех оставшихся в живых 250 латышских стрелков, стареньких, брошенных, обратят, наконец, внимание... В том фильме мне хотелось показать, как мы относимся к старым людям... А мне в Госкино сказали: «Ты этого, этого и вот этого грязного убери...» И добавили, поскользнувшись, выходя из кадра, «Созвездие стрелков» — мне казалось, что на тех оставшихся в живых 250 латышских стрелков, стареньких, брошенных, обратят, наконец, внимание... В том фильме мне хотелось показать, как мы относимся к старым людям... А мне в Госкино сказали: «Ты этого, этого и вот этого грязного убери...» И добавили, поскользнувшись, выходя из кадра, «Созвездие стрелков» — мне казалось, что на тех оставшихся в живых 250 латышских стрелков, стареньких, брошенных, обратят, наконец, внимание...
А потом меня начали звать на похороны этих легендарных стариков. И я понял, что, побывав с ними на съемках несколько часов, когда они еще были живы, я знаю о них больше, чем все эти внуки, дети и родственники, которые были рядом всю жизнь.
Мы хороним свою историю, ничего от нее не забывая, не учась у нее. И это касается не только латышских стрелков... История не должна проходить бесследно.
Записал **Е. КУЛАКОВ**
(студия молодого журналиста «Недели».)
Фото **Л. Шерстеникова.**